

Дуэльная история Пушкина

Автор: Попов Дмитрий 9 «Д»

Руководитель; Пчелкина Л.Ю.

Что дуэль, на которой Пушкин погиб, была не первая в его жизни, знают все. Однако, широкая публика еще не довольно осведомлена о том, какое вообще видное место занимали в пушкинской жизни дуэли, или, лучше сказать, дуэльные истории. Как и вообще в биографии Пушкина, в этих историях имеется много неясностей, которые могли бы стать предметом целого исследования. Тем не менее, даже беглый обзор данных, которыми мы в настоящее время располагаем, далеко не лишен интереса.

Несмотря на то, что дуэли в пушкинскую эпоху были запрещены, они были в моде, особенно в 1815-1825 гг., т.е. между окончанием наполеоновских войн и событиями 14 декабря. Эта мода возникла в той же военной среде, где зародилось декабристское движение, и даже имела с ним некоторую психологическую связь: в увлечении дуэлями, как и в самом декабризме, сказалось обострившееся чувство человеческого достоинства и личной чести; та самая любовь к риску, сопряженному с дуэлями, и была отголоском пробужденной любви к гражданскому мужеству. Наконец, дуэли были запоздалым, деформированным проявлением боевой удали, которая была до крайности возбуждена войной и с наступлением более мирной эпохи не находила себе естественного применения. Кроме военных, той же удалю бредила штатская молодежь, выросшая в атмосфере отечественной войны. Дуэли были окружены романтическим ореолом. Опошляясь, как все на свете, увлечение дуэлями вырождалось в бреттерство, но и бреттерство имело успех. «Внимательные взоры» женщин были наградой записным дуэлянтом, вроде Якубовича, о котором Пушкин писал в 1825 г. Бестужеву: «Когда я вру с женщинами, я их уверяю, что я с ним разбойничал на Кавказе, простреливал Грибоедова, хоронил Шереметева etc. — в нем много, в самом деле, романтизма».

Не удивительно, что молодой Пушкин, тянувшийся за гусарами и мечтавший о гусарском мундире, поддался общему увлечению. Спеша жить и торопясь чувствовать, он спешил стать дуэлянтом. По выходе из Лицея, летом 1817 г., отправился он в Псковскую губернию к родителям. Там он сдружился с Павлом Исааковичем Ганнибалом, соседом по имени и двоюродным своим дядей. Но на какомто семейном торжестве Павел Исаакович в одной из фигур котильона отбил у него перезрелую девицу Лошакову. Этого было достаточно, чтобы Пушкин вызвал милейшего дядюшку на дуэль. Минут через десять всё, разумеется, кончилось примирением и объятиями, но начало было положено. Что касается примирения до «поля» и выпивки с объятиями, то они сделались одним из лейтмотивов в дуэльных историях Пушкина и всего лучше свидетельствуют о его быстрой возбудимости и легкой отходчивости. К сожалению, вторым лейтмотивом, прозвучавшим уж в столкновении с Ганнибалом, была необоснованность вызовов, и эта черта проходит довольно отчетливо через всю биографию Пушкина.

Забегая вперед, назовем общую цифру: нам известно не менее двадцати дуэльных историй, окончившихся для Пушкина благополучно. Роковая дуэль с Дантесом была не менее, чем двадцать первая. Мы говорим «не менее», потому что, повидимому не обо всех столкновениях до нас дошли конкретные данные. 23 марта 1820 г. Е.А.Карамазина, жена историка, писала своему брату: «Пушкин всякий день имеет дуэли; благодаря Бога, они не смертоносны, бойцы всегда остаются невредимы». Что касается иронии, звучащей в этих словах, то она слышится и в некоторых других свидетельствах о ранних дуэлях Пушкина. Так, упоминая о поединке с Кюхельбекером (к нему мы еще вернемся), Н.И.Греч писал: «Кюхельбекер вызвал Пушкина на дуэль. Пушкин принял вызов. Оба выстрелили, но пистолеты заряжены были клюквой, и дело кончилось ничем». С другой стороны, декабрист Басаргин, говоря о встречах с Пушкиным в Тульчине и в Одессе, рассказывает: «Как человек он мне не понравился. Какоето бреттерство, *suffisance*, и желание осмеять, уколоть других. Тогда же многие из знавших его говорили, что рано или поздно, а умереть ему на дуэли».

* * *

Приведем для наглядности общий список дуэльных историй Пушкина, обозначая их именами тех лиц, с которыми произошли столкновения, закончившиеся или должны были закончиться поединком:

- 1) П.И.Ганнибал (1817); 2) В.К.Кюхельбекер (1818); 3) Бар. М.А.Корф (1818? 1819?); 4) Майор Денисович (зима 1819-1820); 5) Ф.Ф.Орлов (1820); 6) А.П.Алексеев (1820); 7) Друганов (1820); 8) Дегильи, б. франц. офицер (1821); 9) Инглези (1821? 1822?); 10) Неизвестный грек (1821? 1822?); 11) Зубов, офицер ген. штаба (1821? 1822?); 12) С.Н.Старов (конец 1821 — начало 1822); 13)

Т.Балш (822); 14) Неизвестный (1824); 15) Гр. Ф.И.Толстой (Американец) (1826); 16) В.Д.Соломирский (1827); 17) Т.Лагрене (1828); 18) Гр. В.А.Соллогуб (1836); 19) С.С.Хлюстин (1836); 20) Дантес (1836, ноябрь).

Уже хронологическая сторона этого списка отчетливо обнаруживает прямое соответствие, так сказать, дуэльной волны с душевным состоянием Пушкина. Из 20 дуэльных историй 14 находятся на те «безумные лета», которыми в душе Пушкина было оставлено тягостное похмелье: на годы бурной петербургской жизни по выходе из Лицея и на годы ссылки. Сюда же надо причислить и 15ю историю, потому что вызов, посланный Пушкиным Толстому тотчас по возвращении из ссылки, представлял собою лишь эпилог событий, разыгравшихся гораздо раньше. Из этих 15 историй целых девять (513) падают на бурное трехлетие, проведенное в Кишиневе. После возвращения из ссылки дуэльная волна резко падает: мы видим лишь две истории (16 и 17), относящиеся к 1827 и 1828 гг. У Пушкина — жениха, положившего себе задачею жить «как все», и у женатого Пушкина дуэльных историй нет вовсе — вплоть до 1836 г., когда нараставшее раздражение разрешается тремя столкновениями, следовавшими одно за другим. Добавим, что к 1836 г. относится также столкновение с кн. Н.Г.Репнином, не включенное в наш список, потому что кн. Репнин наставительным письмом к Пушкину предотвратил вызов, готовый уже последовать.

Если мы теперь обратимся к вопросу о дуэльной инициативе, то увидим, что в подавляющем большинстве случаев, в пятнадцати из двадцати, вызов был сделан Пушкиным. Из тех пяти случаев, когда инициатива исходила от его противников, четыре раза Пушкин своими поступками дал повод к вызову, ибо он был обидчиком и зачинщиком ссоры. Так, Кюхельбекер, выведенный из себя многолетними насмешками Пушкина, наконец вызвал его за обидную эпиграмму; у кишиневского купца Инглези Пушкин отбил цыганскую жену; офицера Зубова он без всяких оснований публично обвинил в нечистой карточной игре; полковник Старов вызвал его за дерзкое поведение с молодым офицером, который был под началом у Старова. Только в одном случае повод к вызову представляется неосновательным — мы имеем в виду столкновение с Соломирским, который вызвал Пушкина, придравшись к его шутке о гр. А.В.Бобринской, на самом же деле потому, что приревновал к нему другую особу.

Если теперь мы обратимся к тем пятнадцати столкновениям, при которых вызов на поединок исходил от Пушкина, то окажется, что с точки зрения обоснованности этих вызовов, они распределяются в основном на три группы. К первой из них мы относим два столкновения, с французом Дегильи и с неизвестным (8е и 14е по вышеприведенному списку); их причины и поводы остаются неизвестными. Вторая группа, содержащая пять столкновений, характеризуется тем, что Пушкин во всех этих случаях имел то или иное основание считать себя оскорблённым и требовать удовлетворения, но сами обиды, ему учиненные, были следствием его собственного поведения. Так, майор Денисович был вызван Пушкиным после того, как отечески отчитал его за неприличное поведение в театре: будучи его соседом, Пушкин мешал ему слушать пьесу, громко зевал, шикал, разговаривал и т.д. Впоследствии, в письме к кн. Вяземскому, Пушкин вспоминал об этой истории, как об одной из тех мальчишеских проказ, которые повторять не следует.

В 1820 г., находясь в кишиневской биллиардной и выпив лишнее, он до тех пор мешал играть Орлову и Алексееву, пока первый не назвал его школьником, а второй не присовокупил, что школьников наказывают. Оскорбившись, Пушкин тотчас вызвал обоих, но идя домой из биллиардной, уже сам раскаивался и говорил своему секунданту: «Скверно, гадко; да как же кончить?»

Столкновение с молдаванином Балшем заключалось в том, что Пушкин наговорил дерзостей его жене, за которой перед тем ухаживал, а когда та не осталась в долгу — потребовал удовлетворения от ее мужа.

Толстого Пушкин вызвал за эпиграмму и оскорбительные слухи, которые Толстой распустил о нем еще в 1820 г. Однако, со стороны Толстого и то, и другое было ответом на такие же поступки самого Пушкина, который являлся истинным зачинщиком ссоры. Свое первоначальное суждение о Толстом Пушкин впоследствии, в письме к брату, назвал «резким и необдуманным». Года три спустя Пушкин избрал Толстого посредником при первом своем сватовстве к Н.Н.Гончаровой.

Следующую группу, насчитывающую семь случаев, составляют вызовы, сделанные Пушкиным же, но уже без достаточных оснований, иногда в силу повышенной чувствительности к обидам, иногда под влиянием раздражения или злобы, а однажды, как ниже увидим, даже вовсе без всякого повода.

Эта серия открывается тем столкновением с П.И.Ганнибалом, которое уже нами описано. За ним следует ссора с бар. М.А.Корфом, бывшим товарищем по Лицею. Пушкин и Корф жили в одном доме.

Пьяный камердинер Пушкиных ворвался в переднюю Корфа и стал скандалить. Корф вышел на шум и поколотил его. Пушкин немедленно послал Корфу письменный вызов. Одного кишиневского грека (его фамилия не сохранилась) Пушкин решил вызвать на дуэль за то, что тот удивился, как мог Пушкин не знать какуюто книгу, о которой случайно зашла речь.

Лагрене, секретаря французского посольства, Пушкин вызвал в 1828 г. потому, что ему послышалось, будто когда Пушкин подошел к одной даме, которая разговаривала с Лагрене, последний сказал: «Прогоните его».

Целый клубок дуэльных историй связан с началом 1836 г. В январе, на какомто балу, Н.Н.Пушкина почемуто сочла непристойным вопрос, заданный ей молодым гр. В.А.Соллогубом: «Давно ли вы замужем?» Пушкин послал Соллогубу письмо, требуя объяснений. Письмо не дошло до Соллогуба, который как раз в это время уехал в служебную командировку. Дело на время заглохло. 4 февраля Пушкин вызвал на дуэль некоего Хлюстина за то, что тот, в разговоре с Пушкиным, процитировал обидную для него фразу из статьи Сенковского. Повидимому, это столкновение еще не вполне было улажено, как уже на следующий день, 5 февраля, Пушкин письменно затребовал объяснений от кн. Н.Г.Репнина, будто бы неуважительно отзавшегося о Пушкине в разговоре с третьим лицом. В этом письме не было еще прямого вызова, но были намеки на возможность дуэли в случае неудовлетворительных объяснений. Как сказано выше, ответом Репнина Пушкин удовлетворился и вызова не послал. В марте месяце он получил, наконец, письмо с объяснениями Соллогуба, счел их недостаточными и послал Соллогубу вызов через вышеупомянутого Хлюстина.

К тому же разряду вызовов относится случай, прошедшй еще в ноябре 1820 г. в Кишиневе. На сей раз предложение драться было сделано без всяких оснований. Вот что рассказывает по этому поводу В.П.Горчаков в своем дневнике: «Мы встретились с Пушкиным у полковника Ф.Ф.Орлова. В это утро много было говорено о «Черной шали», на днях только Пушкиным написанной. Не зная самой песни, я не мог участвовать в разговоре. Пушкин это заметил и обещал мне прочесть ее; но повторив в разрыв некоторые строфы, вдруг схватил рапиру и начал играть ею; припрыгивал, становился в позу, как бы вызывая противника. В эту минуту вошел Друбанов. Пушкин, едва дав ему поздороваться с нами, стал предлагать ему биться. Друбанов отказывался. Пушкин настоятельно требовал и, как резвый ребенок, стал шутя затрагивать его рапирой. Друбанов отвел рапиру рукой. Пушкин не унимался. Чтобы предупредить их раздор, я снова попросил Пушкина прочесть мне молдавскую песню. Пушкин охотно согласился, бросил рапиру и начал читать с большим одушевлением. Сообщению Горчакова тем более можно верить, что оно соответствует не только «детской ревности», но и той озлобленной тоске, которая порой владела Пушкиным в кишиневскую пору. Под влиянием этой тоски он явственно искал ссор и дуэлей. Недаром и столкновение с Балшем началось именно с того, что Пушкин сказал его жене: «Экая тоска! Хоть бы кто нанял податься за себя!»

Наконец, вне намеченных нами групп остается единственный случай, когда вызов был послан Пушкиным если и без достаточных формальных оснований, то все же по достаточным основаниям внутренним: имеется в виду первый вызов, посланный Дантеzu 4 ноября 1836 г. Хотя в анонимных пасквилях, полученных Пушкиным, имя Дантеса не было названо и хотя эти пасквили намекали на императора Николая I, как оскорбителя семейной чести Пушкина, развязные ухаживания Дантеса за Н.Н.Пушкиной сами по себе давали Пушкину повод требовать удовлетворения.

Из перечисленных двадцати случаев только в четырех (с Кюхельбекером, Зубовым, Старовым и неизвестным) дело дошло до поединка. Вероятно, поединком кончилось бы и столкновение с Инглези, если бы Инзов, начальник Пушкина, не посадил своего беспокойного подчиненного под арест, а Инглези не отправил бы экстренно за границу. Примечательно, что во всех этих случаях, за единственным исключением (дуэль с неизвестным), вызов исходил не от Пушкина, а от его противников. Это показывает, что, будучи вызван, Пушкин не искал примирения: из всех, кто его вызвал, он помирился до поединка только с Соломирским. Наоборот: к собственным своим вызовам относился он менее серьезно, и как только первый пыл ссоры в нем остывал, охотно шел на мировую. Лишь в одном случае (из пятнадцати!) он довел свой вызов до встречи у барьера — мы имеем в виду поединок с неизвестным. Может быть, довел бы еще раз в истории с Дегильи. Что можно предположить на основании неслыханно оскорбительного письма, которое он написал Дегильи после того, как француз струсил и расстроил дуэль. Однако, возможно и то, что и на сей раз Пушкин был взбешен не тем, что дуэль не состоялась, а именно тем способом, которым Дегильи постарался спасти свою шкуру.

В тех случаях, когда дуэли не состоялись, противников мирили общие друзья, после чего дело нередко кончалось пирушкой. Кажется, только примирение с Соллогубом состоялось без посредников и свидетелей. Прямо уклонился от поединка, кроме вышеупомянутого Дегильи, только бар. Корф,

довольно язвительно написавший Пушкину: «Не принимаю вашего вызова изза такой безделицы не потому, что вы Пушкин, а потому, что я не Кюхельбекер».

Что касается поведения Пушкина во время поединков, то замечательную характеристику его оставил Липранди. «Я знал, — говорит он, — Александра Сергеевича вспыльчивым, иногда до иступления; но в минуту опасности, словом, когда он становился лицом к лицу со смертью, когда человек обнаруживает себя вполне, Пушкин обладал в высшей степени невозмутимостью при полном сознании своей запальчивости, виновности, но не выражал ее. Когда дело доходило до барьера, к нему он являлся холодным, как лед». Упоминание о «виновности» указано здесь неспроста. Липранди, прекрасно знавший характер Пушкина, угадал важную психологическую черту его дуэльных историй. В своих поступках Пушкин далеко не всегда был прав, но его совесть была необыкновенно чутка. Становясь к барьери по вызову противников, он всякий раз сознавал свою **виновность** в происшедшем столкновении. Вот почему из трех раз, когда он выходил на поединок с теми, кто вызвал его, он два раза мужественно выстоял под выстрелами противников, но сам не стрелял. На дуэли с Кюхельбекером он по одним свидетельствам бросил пистолет, по другим — стрелял в воздух; на поединке с Зубовым он отказался стрелять в него. (Надо заметить, впрочем, что так же поступил неизвестный, вызванный Пушкиным — после пушкинского промаха, он отказался стрелять).

Возможно, что в Кюхельбекера и в Зубова, кроме сознания своей вины, Пушкин не стрелял еще потому, что считая себя хорошим стрелком, низко расценивал их боевые способности. А.Ф. Вельтман, присутствовавший на какойто дуэли Пушкина, нам, может быть, неизвестной, говорит: «Пушкин не боялся пули точно так же, как и жала критики. В то время, как в него целили, казалось, что он, улыбаясь сатирически и смотря на дуло, замышлял злую эпиграмму на стрельца и на промах». П.И. Бартенев, ссылаясь на рассказы В.П. Горчакова и многих других лиц, живших тогда в Кишиневе, сообщил, что «на поединок с Зубовым Пушкин явился с черешнями и завтракал ими, пока тот стрелял». (Этот мотив был им позднее использован в рассказе «Выстрел»).

Стрелялся он только со Старовым, который слыл заправским дуэлянтом и храбрецом. «Погода была ужасная: метель до того была сильна, что в нескольких шагах нельзя было видеть предмета... Первый барьер был на шестнадцать шагов; Пушкин стрелял первый и дал промах, Старов тоже и просил снова зарядить и сдвинуть барьер; Пушкин сказал: «И гораздо лучше, а то холодно». Предложение секундантов прекратить поединок было обоими отвергнуто... Барьер определили на двенадцать шагов, и опять два промаха. Оба противника хотели продолжать, сблизив барьер; но секунданты решительно воспротивились, и так как нельзя было примирить их, то поединок отложили до прекращения метели». В перерыве между первой и второй встречей противников удалось помирить, и тут Старов сказал Пушкину: «Вы так же хорошо стоите под пулями, как хорошо пишете».

К возможным поединкам Пушкин готовился постоянно. Кишиневский слугамолдаванин БадиТодоре рассказывал, что по утрам, лежа в постели, Пушкин стрелял из пистолета в потолок хлебным мякишем, стараясь выводить на потолке всевозможные узоры. Вельтман подтверждает этот рассказ с маленьким вариантом: «Пробуждаясь от сна, он сидел голый в постели и стрелял из пистолета в стену». В стрельбе упражнялся Пушкин и в Одессе, и в Михайловском, где, случалось, выпускал до ста выстрелов в одно утро. Еще в кишиневскую пору завел он себе тяжелую железную палку, с которой не расставался ни в Одессе, ни в Михайловском, ни впоследствии: П.И. Миллер встретил его с ней в 1831 г. в Царскосельском парке. По определению Липранди, в ней было восемнадцать фунтов веса, что вряд ли соответствует истине. Михайловский кучер Петр называл ее девятифунтовой. На прогулках Пушкин имел обыкновение подбрасывать ее вверх и ловить налету. Иногда поступал он иначе: бросив палку вперед, доходил до нее, поднимал и бросал сызнова. По сообщению Н.М. Лонгинова, дядя Пушкина однажды спросил у него, зачем носит он эту палицу. Пушкин ответил: «Для того, чтобы рука была тверже: если придется стреляться, чтоб не дрогнула».

Повидимому, он и в самом деле был отличным стрелком. Не следует забывать, что на последней своей дуэли, уже тяжко раненный, лежа на снегу, он слегка приподнялся, выстрелил и ранил Дантеса в руку.

Как все дуэлянты и игроки, он был суеверен. Из какойто гадательной книги, календаря, письмовника или чегото в этом роде выписал он перечень несчастливых дней, «в которые не должно ничего важного предпринимать». В этом списке значилось 26 мая — день его рождения. Было и 18 февраля — день его свадьбы, и он жалел, что перед свадьбой забыл справиться в списке. К несчастью, 27 января — дня последней, роковой дуэли с Дантеsem — в этом перечне не было.